

Отзыв официального оппонента доктора исторических наук,
профессора Татьяны Владимировны Кудрявцевой
о диссертации Ивановой Елены Сергеевны
«РИМСКИЕ ЦЕНТУРИОНЫ ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА:
НЕВОЕННЫЕ ФУНКЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС»,
представленной на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история.

Диссертационное исследование Елены Сергеевны посвящено одной из важных, но до настоящего времени недостаточно изученных проблем истории Ранней империи – роли центурионов в складывающейся системе императорской власти и управления провинциями, их социальному положению, участию в императорском культе и даже неким их «теневым функциям». Не вызывает сомнений актуальность избранной диссертантом темы: римская армия являлась важнейшим институтом, обеспечивавшим не только внешнюю безопасность, но и внутреннюю стабильность Римской империи. В условиях формирования, неразвитости и даже отсутствия, по мнению некоторых современных исследователей, ее бюрократического аппарата именно центурионы как наиболее многочисленная и социально активная часть офицерского корпуса выполняли функции, далеко выходявшие за рамки собственно военных. Особенно это касается местного управления: в провинциях они нередко выполняли полицейские, судебные и административные функции. При этом в историографии долгое время акцент делался на образе центуриона как «стержня легиона» (выражение Г. Дельбрюка), ключевой армейской фигуры. Е.С. Иванова, следуя тенденциям, представленным в новейшей историографии, показывает ограниченность этого стереотипа и рассматривает центурионов не только как военных командиров, но и как агентов императорской власти, исполнителей особых поручений невоенного характера, администраторов, дипломатов, судебных и

религиозных функционеров, а также как членов семей, дружеских и профессиональных сообществ.

Научная новизна определяется как самим предметом исследования, постановкой ряда новых проблем, касающихся публичной деятельности и частной жизни центурионов, так и методологическим подходом. На обширном материале, включающем нарративные, юридические, эпиграфические источники, папирусные документы и данные археологии, центурионы представлены как многогранное профессиональное сообщество, чья деятельность и социальный статус выходили далеко за пределы военной сферы. Особого внимания заслуживает примененный автором междисциплинарный подход, сочетающий методы исторической антропологии и нарратологии, что позволило сопоставить литературный портрет и общественное восприятие центурионов, представленный в письменных источниках, с их собственной саморепрезентацией в общественном пространстве. Последнее реконструируется на основе папирусных писем военнослужащих к родственникам, эпиграфических источников (около 700 надгробных, посвятельных, почетных и строительных надписей I – III вв. из разных провинций, созданные либо самими центурионами, либо их друзьями, членами семей) и визуальных источников (некоторые надписи проиллюстрированы рельефами). Выявление расхождений между этими образами становится одним из важнейших результатов исследования.

Структура диссертации логична, определена основной целью («реконструкции социального портрета римских центурионов и определении их положения и роли в общественных, государственных и идеологических структурах Римской империи» – с. 7) и не вызывает возражений. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложений, включающих оригинальные тексты папирусных документов, надписей и иллюстративного материала – изображений некоторых надгробных памятников центурионов.

Во *Введении*, где присутствуют все необходимые для данного раздела работы пункты, отмечу скрупулезный обзор историографии. В списке литературы – 250 названий на английском, немецком, французском и итальянском языках (правда, почему-то в «Списке источников и литературы» нумерация сплошная со списком источников). Видно, что автор диссертации хорошо в ней ориентируется, и это позволяет ей наметить «белые пятна» – те сюжеты, которые нуждаются в дальнейшем или дополнительном исследовании. Так, например, Елена Сергеевна указывает на малоизученность вопросов, связанных с частной жизнью центурионов, включая их семейные и дружеские отношения, особенности повседневности, семейные ценности и идеалы (с. 32).

Хронологические рамки диссертационного исследования во *Введении* определены как «период с конца I в. до н. э. до середины III в. н. э., т.е. эпоха Ранней империи» (с. 8), однако в реальности они охватывают и середину, и отчасти первую половину I в. до н.э. Важнейшим письменным источником для автора являются произведения Цезаря и его продолжателей; в работе множество примеров центурионов и их деяний галльских или гражданских войн. Следовало бы как-то это оговорить или расширить хронологические рамки.

Глава I исследует невоенные функции центурионов. Автор указывает, что «римский центурионат как социальный институт, который обеспечивал императора офицерами и администраторами с военным опытом, исключительной лояльностью и высокой результативностью, а рядовых солдат — блестящими перспективами социального продвижения, появился в результате военных реформ Августа» (с. 41); и этот тезис представляется бесспорным. Далее Елена Сергеевна убедительно показывает, как профессионализация римской армии при Августе, сопровождавшаяся повышением жалования, обязательными наградами при отставке, четким определением карьерных перспектив, изменила облик центурионата.

Примечателен анализ судебных функций центурионов (§ 1) – на основании т.н. «египетских петиций»; из них мы узнаем о тех правонарушениях, которые разбирали центурионы (самые популярные – насилие и нарушение прав собственности). Центурионы не только их расследовали, но и выносили по ним судебные решения. Автор здесь достаточно убедительно полемизирует с теми исследователями, которые полагали, что эти судебные решения были лишены легитимности (Б. Кэмпбелл) или имели неформальный характер (М. Пичин). Елена Сергеевна, анализируя текст XVI сатиры Ювенала, деревянной таблички из Виндоланда и других надписей и папирусных документов, показывает, что центурионы действительно могли выступать в роли «назначенных судей» (*iudices dati*) или чиновников с довольно широким кругом обязанностей (*centuriones regionarii*), а их судебная власть имела вполне легитимный статус, корнящийся в традиции делегирования полномочий подчиненным носителями империя. Конечно, едва ли центурионам в таком качестве были подсудны серьезные уголовные преступления.

Во втором параграфе анализируются дипломатические функции центурионов. Автор обращается к гобустанской надписи и присоединяется к той точки зрения, что упомянутый в ней центурион Луций Юлий Максим не командовал неким римским гарнизоном в Кавказской Албании, а выполнял некое дипломатическое или разведывательное поручение (с. 61). Этот вывод хорошо согласуется с приводимыми примерами из Цезаря, Тацита, Диона Кассия и других авторов, а также надписей, в которых центурионы передают некие дипломатические послания, собирают сведения об иностранных территориях, сопровождают послов или заложников. Автор справедливо подчеркивает, что для выполнения таких миссий центурионы должны были обладать не только высоким социальным статусом и репутацией, но и знанием местных языков, что подтверждается билингвальными надписями и надписями, где центурион представляется и как переводчик (с. 67–69).

В третьем параграфе речь идет о роли центурионов в армейской религии и отправлении императорского культа. Как и в других разделах, автор здесь активно использует эпиграфические источники. Хотелось бы уточнить, насколько участие центурионов в различных религиозных ритуалах было унифицированным в различных регионах Империи и насколько все же значимым было влияние местных культов и традиций?

Рассматривая карьерные перспективы и примеры успешных карьер центурионов, главным образом примипиларов, Елена Сергеевна приходит к выводу о повышении социальной роли примипиларов и укреплении их позиций в административной иерархии Римской империи (с. 97): больше всего шансов на успех имели те из них, у кого было италийское происхождение, множество наград от императоров и активное участие в императорском культе. Вывод автора об обновлении элиты при Антонинах и Северах путем инкорпорирования в неё наиболее способных и лояльных примипиларов представляется весьма значимым (с. 98).

В последнем параграфе первой главы рассматриваются теневые аспекты деятельности центурионов, прежде всего, привлечение их в качестве исполнителей для совершения ареста или даже убийств нежелательных лиц. Автор справедливо замечает, что подобная тайная деятельность была оборотной стороной агентурной роли центурионов. Хотелось бы сделать некоторое уточнение. На с. 102 в качестве примеров заказных политических убийств, совершенных центурионами, приводятся убийства Октавии (Тас. Ann. XIV. 64), наместника Плавта (Тас. Ann. XIV. 59), Сенеки (Тас. Ann. XV. 61), Луция Силана (Тас. Ann. XVI. 9) и Марка Остория (Тас. Ann. XVI. 15). Если действия центурионов можно назвать убийством в случае с Плавтом, Силаном и Октавией (её связали и вскрыли вены), то в случае с Сенекой и Осторием центурион, строго говоря, не осуществляет убийство, а передает повеление принцепса покончить с собой. В этом же параграфе при цитировании Тацита Елена Сергеевна почему-то не использует вполне достойный перевод А. Бобовича, а предлагает свой. На мой взгляд,

стилистически он менее удачный. Ср.: В переводе Бобовича трибун на вопрос, почему участвовал в заговоре, кратко отвечает: «другого способа пресечь его [Нерона] гнусности не было (*breviter respondens non aliter tot flagitiis eius subveniri potuisse*)». У Елены Сергеевны: «иначе нельзя было помочь против стольких его преступлений».

Не всё так однозначно и с эпизодом, который приводится автором из «Метаморфоз» Апулея. Речь идет о конфликте, который случился у солдата со случайно встреченным огородником с ослом. Елена Сергеевна полагает, что это не простой солдат, а центурион, поскольку упоминается «жезл из виноградной лозы». Апулей подробно (гл. 39-42) рассказывает о ссоре легионера и огородника и её последствиях, неоднократно обращается к этому персонажу и везде называет его просто солдатом (*miles*); в тексте нет ничего, что указывало бы на его офицерский статус. Некоторые комментаторы предполагали, что жезл сей солдат прихватил лишь «для устрашения несчастных путников» (Маркиш С.П. Комментарии // Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды / Пер. М.А. Кузмина, С.П. Маркиша. М., 1960. С. 418). Очевидно, надо было как-то оговорить, что мнение о принадлежности сего персонажа к центурионам – дискуссионное, по меньшей мере. Замечание Елены Сергеевны (со ссылкой, правда, на К. Фурманна (*Fuhrmann, C. J. Policing the Roman Empire: Soldiers, Administration, and Public Order. New York, 2012. P. 224*): «История, приведенная Апулеем, является одним из немногих примеров, когда в преступлении оказывается замешан именно центурион, а не рядовой солдат или фрументарий» (с. 112) , – представляется недостаточно обоснованным.

В завершении главы I (с. 113–114) подытоживаются итоги рассмотрения невоенных функций римских центурионов; можно констатировать, что данная глава достигает поставленных целей.

Глава II посвящена анализу социального статуса и социальных отношений центурионов. В первом параграфе данной главы представлен обобщенный образ центуриона, конструируемый на основе литературных

источников. Автор присоединяется к мнению тех исследователей, которые полагают, что героический образ центурионов стал литературным топосом, прежде всего, благодаря Цезарю (с. 121). Елена Сергеевна, исследуя дальнейшее развитие этого образа у Тацита и Иосифа Флавия, отмечает интересную закономерность: доблестные центурионы служат только «хорошим» императорам или военачальникам, а плохих правителей или командиров окружают недостойные и порочные (с. 126–130). Такой подход позволяет по-новому взглянуть на нарративные источники.

Рассматривая формы самопрезентации центурионов на основе эпитафий и других надписей, надгробных рельефов (§2.2), автор показывает, что центурионы гордились не только своими наградами, но и невоенными достижениями, вплоть до строительства бани и ремонта лагерных ворот (с. 141–143), и даже обращались к неким литературным аллюзиям, притязая на определенный культурный уровень: см., например эпиграмму из *Aquae Flaviae* или надпись (стихотворение) Мария Гемелла на Колоссе Мемнона с отсылками к Гомеру (с. 134–140).

Изучая социальные связи центурионов (патронат, клиента, дружба – §2.3), автор приходит к выводу: центурионы, используя опыт совместной работы, узы землячества, родственные связи, не только обзаводились патронами – представителями римской аристократии, но и сами приобретали определенный круг клиентов (с. 158). Диссертант определяет это как «срединную позицию в социальной иерархии» (с. 161). Мне такая формулировка кажется несколько произвольной; хотелось бы, чтобы Елена Сергеевна объяснила, что она понимает под «срединной позицией» в данном контексте (зд. это явно не место центурионов в воинской иерархии). Вывод о том, что «центурионы выступали посредниками между военными силами, муниципальными властями и самим императором» (с. 161) на основании того, что они были клиентами каких-то знатных патронов и нам известны отдельные примеры их покровительства каким-то общинам, – представляется чересчур смелым.

Глава III посвящена теме брака и семьи в жизни центурионов. В первом параграфе разбирается дискуссионный вопрос о *ius conubii*, т.е. могли ли центурионы вступать в законный брак, учитывая «брачный запрет», введенный для рядовых солдат во времена Августа. Автор приводит различные мнения исследователей, большинство из которых признает, что у центурионов было право *conubium*, т.е. их браки были законными, как у высших офицеров. К сожалению, её собственная позиция остается не совсем ясной: она склоняется к мнению Сары Фанг (центурионы получали право *conubium* по достижении срока службы, необходимого для почетной отставки рядовых легионеров), но с оговорками (с. 170, 188). Желательно, чтобы Елена Сергеевна более четко обозначила свою позицию по данному вопросу.

В этом параграфе автор не раз обращается к статистическому анализу 265 надписей (эпитафий) – например, для определения соотношения центурионов с женами и детьми и их безбрачных коллег. Однако в связи с этим встает проблема статистической репрезентативности эпиграфики. Ведь эпитафии заказывали не только те, кто хотел о себе оставить память, но и те, кто мог себе это позволить (или их родственники и вольноотпущенники). Не создает ли это смещение выборки в сторону более состоятельных и успешных персонажей искажение картины семейного положения и социального статуса (самих центурионов и их жен) для всей группы в целом?

В заключительном параграфе данной главы автор рассматривает некоторые аспекты повседневной семейной жизни центурионов и ставит перед собой непростую задачу определить их семейные ценности и идеалы.

Анализ археологических данных (женских и детских артефактов из предполагаемых жилищ центурионов на территории военных лагерей) позволяет уточнить бытовые условия семейной жизни, хотя, как признает автор, их скудность и трудность с локализацией не позволяет делать однозначные выводы (с. 189-192).

Достойна внимания реконструкция ценностей, которых придерживались центурионы и их супруги, на основе эпитафий и

посвятительных надписей. Вслед за С. Треджиари (Treggiari S.) Елена Сергеевна приходит к выводу, что они «придерживались традиционных римских ценностей (*pudicitia*, *fides*, *obsequium*, *affectio*) и стремились к тем же идеалам благочестия (*pietas*) и единодушия (*concordia*), которые почитались во всех римских семьях» (с. 199, также 205). Вероятно, так оно и есть, хотя картина получилась слишком благостная, но автор тут опирается на эпиграфику, а она отражает скорее идеал, чем реальность.

По данной главе есть некоторые замечания. На с. 194–196 рассматриваются письма некоего военнотружущего Паниска (его воинское звание не установлено) к супруге Плутогении. Во-первых, т.н. «архив Паниска» датируется концом III в., т.е. выходит за хронологические рамки, определенные во введении. Во-вторых, отсутствует оригинальный текст – только перевод отдельных фрагментов, который невозможно сверить. В-третьих, как указывает сама Елена Сергеевна, конфликт между супругами был, возможно, обусловлен некими политическими и религиозными процессами, проходившими в то время (восстание Домиция Домициана против императора Диоклетиана; предполагаемое обращение Паниска в христианство). Насколько правомерно в таком случае считать этот конфликт типичным для семей центурионов (не факт, что сей Паниск вообще был центурионом) и экстраполировать его на семьи центурионов эпохи Ранней империи?

Сармизегтуза – главный религиозный и политический центр доримской Дакии – не «дакийская колония» (так она названа на с. 205). Возможно, автор имеет в виду *Colonia Ulpia Traiana Augusta Dacica Sarmizegetusa*, которую принято кратко именовать *Ulpia Traiana* (Ульпия Траяна).

На с. 206 замечено, что «обычно рабов нельзя было освобождать до достижения ими 30-летнего возраста». Хотелось бы узнать, на чем основано это утверждение и к какому времени относится данная практика? Ведь в тексте Гая, на который тут дается ссылка (Gai. Inst. I. 18–19), речь не идет о запрете освобождать рабов до данного возраста, а о дополнительной процедуре для таковых при получении ими римского гражданства. В тексте «Дигест» (Dig.

40. 2. 11–13) также нет ничего об этом запрете (40. 2. 11. «Если не достигший 20 лет освобождает рабов...»).

В *Заключении* резюмируются основные результаты работы. Елене Сергеевне удалось представить убедительные доказательства того, как центурионы в эпоху Ранней империи благодаря своим новым невоенным функциям превращались из «стержня легиона» в «опору римского общества» (с. 213); этот вывод точно отражает суть диссертационного исследования.

Диссертация написана грамотным литературным языком, хотя есть некоторое незначительное количество ошибок и опечаток. Бросается в глаза, что слово «принципат» пишется то с заглавной, то со строчной буквы. Есть также разноречивость в использовании строчных/заглавных букв в английских названиях. Не хватает деления на абзацы, часто текст идет «сплошняком», не вычленены микротемы, что мешает порой постигать логику и структуру изложения.

Автор в тексте дает перевод эпиграфических источников, а текст оригинальный (латинский или греческий) приводит в приложении. Это создает определенные неудобства при чтении диссертации, ибо желательно видеть и сравнивать оригинал и перевод. Особенно это неоправданно, по моему мнению, когда речь идет о небольших отрывках текста. Однако не все цитируемые или пересказываемые надписи даны в приложении. Нередко приводятся некие факты, дается ссылка на сборники надписей, но хотелось бы иметь подтверждающий текст источника или хотя бы его части (например, в ссылках). Ссылки на электронные ресурсы (сайт <https://lupa.at/>) в приложении 3, к сожалению, не открываются.

Высказанные замечания не снижают общей высокой оценки диссертации Е.С. Ивановой.

Диссертация является актуальным, оригинальным, самостоятельным исследованием, отличается новизной, теоретической и практической значимостью. Основные научные положения и выводы обоснованы. Предложены новые решения ряда проблем по теме исследования. Автореферат и публикации отражают основные положения диссертации. По

характеру источниковой базы, проблематике и методике исследования представленная работа соответствует специальности 5.6.2. – Всеобщая история.

Диссертационное исследование полностью соответствует научно-квалификационным критериям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, требованиям пп. 9–11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 25.01.2024), поскольку содержит решение задач, имеющих существенное значение для всеобщей истории (истории Древнего Рима), написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку. Автор диссертации, Елена Сергеевна Иванова, заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история.

Официальный оппонент:

Кудрявцева Татьяна Владимировна, доктор исторических наук (специальность 07.00.03 – Всеобщая история), профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Института истории и социальных наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена».

01.09.2026

РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА
подпись
удостоверяю «01 сентября 2026»
Отдел кадров управления по работе с кадрами
и организационно-контрольному обеспечению

Ведущий
СПЕЦИАЛИСТ ПО КАДРАМ
ОТДЕЛА КАДРОВ
А. В. ТИГАЧЕНКО

Адрес места работы:
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки 48
Телефон (раб.): +7 (812) 312-99-25, +7 (812) 312-42-07
e-mail tvkudryavtseva@herzen.spb.ru (раб.); tatyanavk@yandex.ru